

10. Люстрицкий Д. Милиция в «закрытой зоне» // Восточно-Сибирская правда. 2000. С. 3.
11. Бегагоина Л. Обыкновенная банда // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2004. С. 3.
12. Сведения о преступности г. Иркутск согласно данным Информационного центра УВД Иркутской области за 1997–2002 гг. Иркутск: Облкомстат, 2002. 21 с.
13. Агония братского «спрута» // СМ-номер один. 2005. С. 4.
14. Эдельман А.И. Наркомания и преступность: современные тенденции и региональные особенности // Проблемы борьбы с групповой и организованной преступностью. Иркутск, 2002. С. 29–33.
15. Решетников Ю. Натиск наркомафии сдерживается // Аргументы и факты в Восточной Сибири. 2002. С. 2.
16. Щербаков А.С. У опасной черты // Юридическая газета. 2003. № 21. С. 15–16.
17. Тамбовцева Г.М. Проблемы борьбы с организованной преступностью (на материалах Восточно-Сибирского региона): ... автореф. дисс. канд. юрид. наук. СПб., 2001. 176 с.
18. Софронов В. Криминальная ситуация под контролем // СМ-номер один. 2004. С. 3.
19. Бегагоина Л. Мафия смертна // Восточно-Сибирская правда. 2004. С. 3.
20. Состояние преступности в Сибирском федеральном округе 1997–2003 гг.: аналитический обзор / под ред. С.М. Малькова. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 139 с.
21. Воронин О. Новая власть и новые бандиты // Восточно-Сибирская правда. 2005. С. 3.
22. Марфицин С. Вал преступности сбить не удалось // Конкурент. 2005. С. 3.
23. Репецкая А.Л. Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. – Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2005. 236 с.

ГРНТИ 02.41.21
УДК 130.2

М.М. Бетильмерзаева
ЧГПУ, Грозный

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ГОРОДА

В статье рассмотрена связка «человек» и «город» как пример символичности человеческого мира; определены содержание, структура и соотношения понятий «повседневность» и «ментальность». Предметом исследования служат

ментальные особенности повседневной жизни взаимодействия города и человека в рамках их взаимного влияния и взаимного развития.

Ключевые слова: город, человек, ментальность, повседневность, фрейм, повседневная жизнь, городское пространство.

Актуальность дискурса о городе обусловлена тем, что в современной культуре город является средоточием всех изменений, переживаемых человеком, и наглядной моделью уровня развития – упадка или расцвета – общества. Ключевым понятием при исследовании города, естественно, является человек, чьей активной творческой деятельностью обусловлено возникновение города как социального и философского феномена.

Цель данной работы – исследование проблемы ментальности в контексте изучения повседневности города.

В соответствии с поставленной целью автор решает следующие задачи: рассмотрение связки «человек» и «город» как пример символичности человеческого мира; определение содержания, структуры и соотношения понятий «повседневность» и «ментальность».

Объектом исследования является повседневность города как сложного и многофункционального комплекса, в котором пересекаются социальные, духовные, экономические и политические интересы людей.

Предметом исследования служат ментальные особенности повседневной жизни взаимодействия города и человека в рамках их взаимного влияния и взаимного развития.

Город как явление для современного человека – это в первую очередь населенный пункт, в котором, в отличие от села, не занимаются сельским хозяйством. Исторически понятием «город» определяли крупное местоположение людей, вокруг которого была ограда. Человек не только создатель города с его отличительными признаками от других форм населенных пунктов, но и продукт этого города.

Человек как предмет исследований определяется по-разному: человек как социальное существо, по Аристотелю; *homo sapiens* (человек разумный), по К. Линнею; *homofaber* (человек творящий), по Х. Арндт и М. Шелеру; *homoludens* (человек играющий), по Й. Хёйзингу; *homo-symbolicus* (человек символический), по Э. Кассиреру. Все перечисленные определения человека не отрицают, а взаимно дополняют друг друга, выделяя тот или иной аспект человеческого бытия. Думается, что предмет нашего исследования – повседневная жизнь горожанина – актуализирует понимание человека как *homosymbolicus*, по Э. Кассиреру, который полагал, что человек есть существо, создающее символы.

В свое время биолог и философ Иоганнес фон Икскуль (в работе *Umwelt und Innenwelt der Tiere*, 1909), полагая, что жизнь есть высшая

и самодостаточная реальность, которую нельзя описать и понять в рамках физической и химической терминологии, считал, что мысль о существовании некоей внешней абсолютной вещной реальности, одинаковой для всех живых существ, является догматичной. «Явления, которые мы обнаруживаем в жизни некоторых биологических видов, не могут быть перенесены ни в какой другой вид. Опыт – а значит, и реальность – каждого из двух различных организмов несоизмеримы друг с другом. В мире мух, писал Икскуль, мы найдем только «мушиные вещи», а в мире ежей – только «ежиные» [1, с. 3–33]. Избегая психологических интерпретаций и используя поведенческий метод, полагаясь на факты сравнительной анатомии, Икскуль дает совершенный образ внутреннего и внешнего мира организма. Биолог и философ отказывается от деления жизни на низшие и высшие формы. И приходит к заключению, что жизнь совершенна всюду – она одинакова и в малом, и в великом.

Каждый организм, даже низший, не только в определенном смысле адаптирован, но и целиком приспособлен к своему окружению. Сообразно со своей анатомической структурой он обладает системой рецепторов и системой эффекторов. Без кооперирования и уравнивания этих двух систем организм не может выжить. Система рецепторов, посредством которой биологические виды получают внешние стимулы, и система эффекторов, через которую они реагируют на эти стимулы, всегда тесно переплетаются. Они образуют звенья единой цепи, которую Икскуль называет функциональным кругом животного.

Э. Кассирер, используя схему Икскуля, приходит к тому, что человеческий мир формируется по тем же биологическим правилам, которые управляют жизнью других организмов, но в человеческом мире обнаруживаются новые особенности, отличающие человеческий мир от прочего. Функциональный мир человека отличен от мира прочих живых форм не столько количественно, как качественно: дополнительно к системе рецепторов и эффекторов, которые есть у всех живых существ, добавляется третье звено, которое можно назвать символической системой. По мысли Э. Кассирера, человек живет в новом измерении реальности – не только в физическом, но и в символическом универсуме.

Символичность человеческого мира наиболее ярко выражается в городских условиях. Мир городского человека сдавлен городским пространством, домами и улицами, в рамках которых складываются новые типы взаимоотношений между людьми, теряющими личностный характер и приобретающими искусственный символический характер [2].

Город в нашем исследовании рассматривается, с одной стороны, как артефакт человеческой культуры, организованный вследствие пересечения различных материальных, социальных, правовых, экономических, конструкторских решений, а с другой стороны, – как социально-исторический и социально-цивилизационный фактор формирования новой общности – горожане. В отличие от села, которое сохраняет традиционные характеристики своего исторического развития, город изначально является следствием цивилизационных трансформаций человеческой общности. Символические стереотипы человеческого сознания определяют ментальные особенности восприятия и представления села и города, сельчан и горожан как различных общностей, сформировавшихся в разных географических, пространственных и временных условиях.

Обсуждение феноменальности повседневной жизни требует к себе пристального внимания. И одним из методологических приемов постижения повседневности служит исследование ментальных особенностей повседневной жизни. Феномен «ментальность» одним из первых стал предметом исследования в недрах французской школы «Анналов», которые под ментальностью понимали и «умонастроения», и «мыслительные установки», и «коллективное представление», и «склад ума», но чаще всего «видение мира» [3].

Каждая культура, как формулирует А.Я. Гуревич центральный тезис Л. Февра, представляет собой ансамбль, компоненты которого при всех противоречиях между ними тем не менее соотнесены друг с другом. А.Я. Гуревич отмечает: «Л. Февр превосходно понимал, что сознание и его психологическая вооруженность – суть, достояние индивида. Но в каждом обществе на данной стадии развития существуют специфические условия для структурирования индивидуального сознания; культура и традиция, язык, образ жизни и религиозность образуют своего рода «матрицу» – в ее рамках формируется ментальность» [4]. Ментальность одновременно представляет собой нечто единое, представляющее общее для всего человеческого общества, и, будучи представлена неким ансамблем, дифференцируется в зависимости от социально-культурной структуры.

При исследовании ментального пространства культуры следует учитывать, что культура, будучи второй природой, уже размещена в определенном физическом пространстве, которое есть объективная форма существования материи. А социальное пространство есть форма бытия социальной материи, то есть общества, представляющего собой продукт взаимодействия людей, создающих материальные, духовные и социальные ценности.

В теоретической форме неоднородность ценностно-мыслительного пространства культуры означает, что одна субпространственная конфигурация как бы надстраивается над другой, одна тематическая система определяет, трансформирует другую. Сложная паутина взаимодействий создает многоаспектное ментальное пространство городской культуры, которое формирует свою реальность. И в этой реальности в центре внимания оказывается повседневность, исследование ментальных особенностей которой позволяет наилучшим образом познать психологию социума.

Понятие «ментальность» в экспликации автора, будучи феноменальной характеристикой единства психического и физического в человеке, задает функциональность сознания, детерминируя информационное взаимодействие человека и мира [5, с. 172]. Феноменальность ментальности характеризует ее явленность человеческому опыту как «вещи для нас». Ноуменальность скрывает то, что недоступно человеческому опыту как «вещи в себе». Ментальность рождается в демаркационном пространстве смещения смыслов чувственно-воспринимаемого мира – «вещи для нас» и умопостигаемого мира – «вещи в себе». Обсуждение ментальных особенностей повседневного мира требует от нас обращения к языку, традициям, быту, религиозным взглядам своего носителя.

Исследование повседневности имеет давнюю историю. Важным этапом в исследовании повседневности стал переход исторического анализа в историко-антропологическую плоскость в трудах представителей научного направления исторической антропологии Я. Буркхардта, Й. Хёйзинги, М. Блока, Л. Февра, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, Г.С. Кнабе и других. В их трудах появился интерес к обыденному, мелочам, деталям, обострился интерес к тем представлениям и смыслам, которые таили в себе простые, повседневные вещи.

В понятии «повседневность» выражена методологическая установка французской исторической школы «Анналов», представители которой считали, что история происходит не от случая к случаю, не от события к событию, а ежедневно. Фернан Бродель [6] рассматривал историческое время как внутренне неоднородное, выделяя в нем различные уровни – короткое время, время средней длительности и длительное время, которые характеризуют различные структуры совместного проживания людей.

В повседневном опыте человека Ф. Бродель выделяет также три уровня. Материальная жизнь – это люди и вещи. Пища и напитки, жилище и строительные материалы, мебель и плиты, костюмы и мода, транспорт и источники энергии, предметы роскоши и деньги, орудия

и технические изобретения, болезни и способы лечения, планы деревень и городов – все, что служит человеку, что связано с ним в повседневной жизни. Изменения в этой зоне происходят крайне медленно. Над ним возвышается второй этаж – более подвижная зона – рыночная экономика, механизмы производства и обмена, связанные с деятельностью людей в сельском хозяйстве, с мастерскими, лавками, банками, ярмарками и рынками. Третий этаж – транснациональные силы, которые могут исказить ход экономики и расшатать устоявшийся порядок. Эти три уровня имеют свои верхние и нижние пределы, которые демаркируют границы возможного и невозможного. По Ф. Броделю, исследования первого яруса позволяют увидеть, чем обусловлен ход истории.

В повседневной жизни большую роль играет хлеб. Бродель приводит известную пословицу: «Скажи мне, что ты ешь, и я скажу, кто ты». Пища свидетельствует о культуре человека, его социальном ранге, материальных возможностях, национальных привычках, уровне цивилизации, возрасте, вкусовых предпочтениях.

Социологические исследования повседневности нашли отражение в сочинениях Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана, П. Бурдьё, Э. Гиддинса, А. Шюца и многих других, которые выдвинули на первый план решение проблемы совмещения логики и практики обсуждения культуры повседневности. Научное познание повседневности подразумевало такую позицию наблюдателя, когда он имеет возможность рефлексировать над повседневным единичным фактом, воспринять единичное как замещающее класс предметов, и вернуться к полноте переживания конкретной ситуации. В такой методологии познания повседневного мы можем видеть различие между научным познанием и обыденным наблюдением.

Альфред Шюц в работе «О множественности реальностей» [7] миру повседневности отводит особое место. Под миром повседневной жизни А. Шюц понимает «интерсубъективный мир, который существовал задолго до нашего рождения, пережитый и проинтерпретированный другими, нашими предшественниками, как организованный мир. Теперь он дан нашему переживанию и интерпретации» [4]. Любая интерпретация элемента повседневного мира предопределена запасом предыдущих переживаний как собственных, так и переданных нам родителями и учителями.

Естественная установка, по А. Шюцу, основана на восприятии этого мира не как частного мира одного индивида, а интерсубъективного мира, общего для нас всех. В отражении этого мира мы используем смыслы, интерпретации предыдущего опыта, которые вкладываем в наблюдаемые нами факты реальности. Повседневность конструируется в ходе социального взаимодействия и предполагает различную вовлеченность участников в различные «горизонт понимания» ситуации.

Если переживание мира повседневности предопределено естественной установкой, то наряду с миром повседневности мы, по А. Шюцу, переживаем неизмеримо много шоков, предлагающих новые смыслы реальности, отличные от переживаний повседневной жизни. Это шок при засыпании как скачок в мир снов; внутреннее преображение, которое мы претерпеваем при подъеме занавеса в театре, как переход в сценический мир; радикальное изменение нашей установки, когда, стоя перед картиной, мы позволяем своему визуальному полю ограничиться тем, что находится внутри рамы, как погружение в изобразительный мир; наше недоумение, раздражающееся смехом, когда, слушая остроту, мы на короткое время готовы принять вымышленный мир шуток за реальность, в сравнении с которой мир нашей повседневной жизни приобретает характер глупости; обращение ребенка к своей игрушке как переход в игровой мир; религиозное переживание и т. д. [7]. Каждый из этих миров обладает своими особенностями переживания собственного «Я», они замкнуты, и переход из одного мира в другой возможен только через шок, скачок. «Я» переживает не трансформацию своих переживаний из одной реальности в другую, но это множество реальностей сосуществуют, попеременно пересекаясь, но не сливаясь.

В последующем Ирвинг Гофман [8] предложил новое решение данной проблемы, введя понятие «фрейм», под которым понимал способ для упорядочивания или структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены. Любое социальное взаимодействие осуществляется по определенным правилам и в определенных рамках, и понятие «фрейм» – схема, план, формат взаимодействия – это структурирование реальности в соответствии с определенными принципами.

Повседневность находит выражение как в особой архитектуре зданий, парков, площадей, мест досуга, институциональных учреждений, так и в организации быта, труда, отдыха и соответствующего дресс-кода. Особенности социальной организации пространства и времени также определяют особенности повседневной жизни.

Н. и Т. Анциферовы обращают внимание на то, что «при всем многообразии картин, отражающих те или другие стороны жизни города, за всеми ими, сопоставленными друг с другом, выступают черты, обрисовывающие» город соответствующего времени, со своим «родовым образом» [9, с. 3], в котором мы можем обнаружить ментальные особенности многообразия городской повседневности. Ментальность горожанина формируется под влиянием внутренне неоднородных фрагментов обыденной жизни, согласно которой изменяется сознание носителя.

Повседневная жизнь в очевидности каждого дня представляет собой привычное условие жизни человека. Ментальные, не отрефлексированные особенности повседневности, обнаруживаются в культуре духа и быта носителя. Наилучшим образом сущность повседневной жизни находит отражение в череде будней, когда люди, сталкиваясь с рутиной очевидностей, автоматически (даже при всей индивидуальности каждого) пересекаются в актах повседневного быта. Из этих реальных и личностных траекторий складывается единая карта всеобщей повседневности, создавая единую сеть ментального поля.

Ментальные особенности повседневной жизни города находят выражение в размывании социальных границ и усреднении образа горожанина, представляющего в едином континууме времени и пространства конечный результат взаимодействия социального и индивидуального.

Библиографический список

1. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988.
2. Тыхеева Ю.Ц. Человек в городском пространстве (философско-антропологические основания урбанографии): дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 // Санкт-Петербургский государственный университет. СПб, 2003. 335 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.: «Индрик», 1993. С. 84.
4. Гуревич А.Я. Уроки Люсьен Февр. Бои за историю. М.: Наука. 1991. С. 520.
5. Бетильмерзаева М.М. Ментальность в контексте культуры (философско-культурологический анализ). Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986.
7. Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. 2003. № 2.
8. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М., 2004.
9. Анциферовы Т. и Н. Книга о городе. Город как выразитель сменяющихся культур. Л.: Брокгауз – Ефрон, 1926.